

Александр Фокин (Челябинск, Россия)

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ — ОКНО
В «СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ»: ЛИТЕРАТУРА, КИНЕМАТОГРАФ,
ИДЕОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ 50-60-Х ГГ. XX ВЕКА**

В XX веке почти исчез жанр классических утопических произведений, которые под покровом художественного текста скрывали бы политико-социально-экономические трактаты. Вместо них монополией на описание далекого и не очень далекого будущего завладевает фантастическая литература. При этом, начиная с Г. Уэллса, фантастическая литература характеризуется соединением двух жанров: социальной и научной фантастики. Особо остро взаимодействие политического и художественного текста возникает в 1961 г., когда принимается курс на построение коммунизма в течение 20 лет и все силы бросаются на выполнение поставленной задачи. Власти необходимы были трансляторы своих идей на население. Ими могли выступать кино и литературные фантастические тексты.

Фантастическая литература как транслятор могла выполнять свои функции гораздо эффективнее, чем сочинения социалистических утопистов прошлого. Поскольку авторы фантастической литературы являлись членами советского общества, они были носителями мировоззрения эпохи и, в частности, коммунистического образа будущего. В силу определенных правил игры в литературном поле авторы концентрировали людские ожидания и, отражая от официального дискурса, возвращали обратно населению.

В атмосфере «оттепели» происходила реабилитация самого понятия утопии, запретного в сталинские времена. Появилось значительное количество научно-фантастических романов, герои которых непременно летали на другие планеты, открывали неведомые миры, социальное устройство коих было тем смутно осязаемым идеалом, формирующимся в эпоху 60-х гг.¹

Ж.-П. Сартр в книге «Воображаемое» отмечает, что представление о будущем может быть как образом чистой, не имеющей отношения к реальности фантазии, так и аспектом настоящего, и зависит

---

¹ См.: Лиокумович Е.А. Диссидентская утопия в советском культурном пространстве. Дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005. С. 63.

это от того, в какой степени образ будущего влияет на наше актуальное поведение. Всякий прогноз создает картину будущего как воображаемую, но эти картины пытаются достучаться до людей и начать влиять на их поведение – таким образом, нарисованные прогнозами образы обретают свое воплощение и переходят из призрачного океана фантазии на твердую почву поведения. Изначально образ будущего стоит понимать как регулятор человеческого поведения².

Первым произведением в фантастической литературе, касающимся описания коммунистического общества и получившим широкую известность, можно признать «Красную звезду» А. Богданова, хотя формально ее следует отнести к дореволюционной литературе, поскольку опубликован роман был в 1908 г. Следующее произведение, представляющее интерес для данного исследования, — это роман Я. Окунева «Грядущий мир» (1923 г.), первая часть трилогии, куда вошли также романы «Завтрашний день» (1924 г.) и «Катастрофа» (1927 г.). Отражение определенных черт коммунизма можно обнаружить в творчестве А. Беляева. В книгах «Лаборатория Дубльвэ» и «Звезда КЭЦ» описывается не очень далекое будущее, где научно-технический прогресс освободил человека от физического труда, и ему остается только нажимать кнопки.

Видное место в советской фантастике занимает И. Ефремов. С его именем связана первая и самая известная «коммунистическая утопия» — «Туманность Андромеды», выпущенная в 1957 г в журнале «Техника-молодежи», а в 1958 г. изданная отдельной книгой. Действие романа отодвигалось от времени написания на тысячелетия, в последнем варианте И. Ефремов остановился на 30-х вв., что возвестило о смелом прорыве границ фантастики «ближнего прицела»³. И. Ефремов в своих произведениях возрождал традицию литературы как программного документа. И. Ефремов был не только фантастом, но и философом и социальным мыслителем⁴.

Данное произведение быстро было взято на вооружение авторами научно-популярных сочинений о «светлом будущем». Г. Е. Глезерман ссылается на «Туманность Андромеды» И. Ефремова как на

---

¹ См.: Лиюкумович Е.А. Диссидентская утопия в советском культурном пространстве. Дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005. С. 63.

² См.: Фрумкин К. Г. Философия и психология фантастики. М., 2004. С. 38, 39.

³ См.: Энциклопедия фантастики. С. 231.

⁴ См.: Фишман Л. Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург, 2002. С. 35.

пример будущего, но с оговоркой, что будущее нельзя изобразить⁵. В. Дмитриевский и Е. Брандис указывали конкретные недостатки романа И. Ефремова: спорные представления И. Ефремова о семье, периодизации истории и характере автоматизации производства. Кроме того, писателя упрекали в том, что «люди будущего в его изображении слишком равнодушны к памяти о революционном героизме наших дней. Даже Великая Октябрьская революция, а также имена основоположников марксизма-ленинизма ими нигде не упоминаются»⁶.

С первых страниц романа читатель сталкивается со странными именами персонажей, что объясняется принципом выбора имени в новом обществе («...в наше время, когда имена даются по любому понравившемуся созвучию»⁷). Возникает параллель с традицией брать себе красивые, «культурные» имена в Советском Союзе в 30-е гг. Традиция героизации человека будущего в романе И. Ефремова выражена весьма любопытно. Помимо общего впечатления от героических деяний покорителей космоса и ученых, автор специально вводит двенадцать подвигов Геркулеса, которые должны были совершить юноши при достижении определенного возраста⁸, что явно указывает на героизм каждого жителя будущего. По мнению Л. Г. Фишмана, будущее по И. Ефремову — это цивилизация «сверхчеловеков», для становления которой в Советском Союзе были созданы научно-технические предпосылки, но не было создано предпосылок идеологических и — шире — духовных⁹.

Интересно, что в будущем, изображенном И. Ефремовым, герои воспитываются не в семье, а в коллективе. «Одна из величайших задач человечества — это победа над слепым материнским инстинктом. Только коллективное воспитание детей специально обученными и отобранными людьми может создать человека нашего общества»¹⁰. Стоит вспомнить коллективное воспитание детей на Марсе в произведении А. Богданова. Конечно, это похоже на «казарменный, уравнилельный социализм», от которого советская идеология пыталась отстраниться, но в обществе подобные настроения

---

⁵ См.: Глезерман Г. Е. *Коммунизм и труд*. М., 1961. С. 48.

⁶ Дмитриевский В., Брандис Е. *Современность и научная фантастика* // *Коммунист* 1960. № 1. С. 71.

⁷ Ефремов И. *Туманность Андромеды*. М., 2004. С. 117.

⁸ Там же. С. 169.

⁹ См.: Фишман Л. Г. *Указ. соч.* С. 37.

¹⁰ Ефремов И. *Указ. соч.* С. 287.

продолжали циркулировать. Зато в борьбе с «вещизмом», а значит и с потребительским отношением к жизни, И. Ефремов стоял на «передовом рубеже». Следующий отрывок из «Туманности Андромеды» не раз цитировался в качестве примера отношения к предметам быта человека будущего, на которого следовало равняться простому советскому гражданину: «Дар Ветер собрал все мелкие вещи, принадлежавшие ему лично, уложил в шкатулку пленки с изображениями и голосами близких и важнейшими записями собственных мыслей. Со стены он снял хроморефлексную репродукцию древней русской картины, со стола – бронзовую статуэтку артистки Белло Галь, похожей на Веду Конг. Все это с небольшим количеством одежды поместилось в алюминиевый ящик с кругами выпуклых цифр и линейных знаков на крышке»¹¹.

Интерес представляет лекция, передаваемая по Великому Кольцу другим цивилизациям. В ней сжато и ясно рассказывалось про основные вехи истории человечества: с момента осознания основных законов общественного развития и объединения усилий миллионов свободных от угнетения людей на основе этих законов, через борьбу с капиталистическим миром – к окончательной победе коммунизма. Приведем несколько отрывков этой лекции. «Но новое общественное устройство не могло не победить, хотя эта победа задержалась из-за отсталости воспитания общественного сознания... Но изменение экономики потребовало очень сложного управления производством и распределением и было невозможно без воспитания общественного сознания каждого человека»¹². Наряду с провиденциальным утверждением о неизбежности победы коммунизма, идея «нового человека» в представлениях И. Ефремова является одной из центральных в построении «светлого будущего». Л. Г. Фишман считает, что главной целью утопического проекта И. Ефремова являлось его желание дополнить официальную коммунистическую идеологию духовным измерением¹³.

Особо отметим другой эпизод. «В древних утопических фантазиях о прекрасном будущем люди мечтали о постепенном освобождении человека от труда. Писатели обещали, что за короткий труд

---

¹¹ Там же. С. 168.

¹² Там же. С. 46.

¹³ См.: Фишман Л. Г. Указ. соч. С. 37.

– два-три часа на общее благо – человечество сможет обеспечить себя всем необходимым, а в остальное время предаваться счастливому ничегонеделанию»¹⁴. Полемизируя с утопическими сочинениями касательно отношения к труду, автор «Туманности Андромеды» заменяет утопии прошлого своей собственной советской коммунистической утопией. Где труд, в соответствии с официальным дискурсом, должен был быть жизненной потребностью. И. Ефремов признает, что деятельность писателя может влиять на человека и его представления о будущем, однако отмечает при этом некоторую зависимость творчества от надежд и ожиданий людей.

Приведенные в книге П. Вайля и А. Гениса слова И. Ефремова о сроках построения коммунистического общества на рубеже 50–60-х гг. – «Сначала мне казалось, что гигантские преобразования планеты в жизни, описанные в романе [«Туманность Андромеды» – Ф.А.А.], не могут быть осуществлены ранее, чем через три тысячи лет... При доработке романа я сократил намеченный срок на тысячелетие»¹⁵ – указывают, что для советских людей существенен был порядок цифр. Про тысячелетия знали и без И. Ефремова – то, «что когда-то человечество придет к Городу Солнца, алюминиевым дворцам, Эре Великого Кольца. Потрясающе дерзким был срок – 20 лет»¹⁶.

На рубеже 50–60-х гг. в поле фантастической литературы появляются братья А. и Б. Стругацкие, авторы цикла новелл «Полдень 22 в.» – самой масштабной, после «Туманности Андромеды» И. Ефремова, «утопии» в советской литературе. Это широкая панорама далекого будущего, охватывающая многие аспекты жизни – от грандиозной созидательной деятельности человечества на Земле и в космосе до, быта, морали, системы воспитания детей, спорта и досуга, и т.п. В целом, мир «Полдня» представляет собой социальный идеал интеллигентов-«шестидесятников», для которых творческий труд не требует иных стимулов, кроме свободы заниматься им. Поэтому люди будущего у братьев Стругацких мало чем отличаются от людей, правда, лучших людей, рубежа 50–60-х гг.¹⁷.

---

¹⁴ Ефремов И. Указ соч. С. 46.

¹⁵ Цит. по Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998. С. 15.

¹⁶ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998. С. 15.

¹⁷ См.: Энциклопедия фантастики. С. 538–539.

Кроме того, появлялись произведения менее известных авторов, такие как «Путешествие в завтра» В. Захарченко, «Репортаж из XXI века» М. Васильева и С. Гуцева, «Мы – из Солнечной системы» Г. Гуревича¹⁸. Писатели социалистического лагеря тоже привлекались для идеологической подпитки. Так, С. Лем в романе «Магелланово облако» и Я. Вейс в «Стране внуков» представляли свой взгляд на общество и людей будущего¹⁹. Большинство этих авторов, за исключением С. Лема, сегодня практически неизвестны и не могут быть поставлены в один ряд с И. Ефремовым и братьями Стругацкими ни по качеству литературы, ни по влиянию на сознание своих современников. Братья Стругацкие и И. Ефремов, находясь в рамках коммунистического дискурса, не шли бездумно у него на поводу, а пытались дополнить его сообразно своим идеям. Это позволяет отнести их произведения именно к медиаторам, поскольку они занимали промежуточное положение между официальной доктриной и народными стереотипами, взаимодействуя и с теми и с другими.

Заявленная проблематика предполагает и обращение к кинофантастике. В силу своей специфики кинематограф не просто описывает будущее, а наглядно демонстрирует его зрителям. На экране необходимо было показать, как будут выглядеть дома, одежда, машины и т.п. в будущем. При этом визуальные образы должны были быть естественными и ненадуманскими, чтобы не вызывать отторжения у зрителя. Об этом пишет и режиссер экранизации «Туманности Андромеды» Е. Шерстобитов: «Мы знаем, например, как построить дворец Екатерины или простую хату, а как оборудовать каюту капитана звездолета, не знаем, не представляем! Но ведь на экране все должно выглядеть обыкновенным, привычным»²⁰. Возможно, данная трудность, а также сложность производства кинофантастики не позволили на рубеже 50-60-х гг. создать значительный корпус кинолент о будущем, хотя утверждалось, что кино как средство пропаганды и популяризации передовых идей, знаний, опыта коммунистического строительства должно было подняться на более высокую ступень. Планировалось довести производство полнометражных художественных фильмов до 250–300 кинофильмов в год²¹. Наиболее из-

---

¹⁸ Дмитриевский В., Брандис Е. Современность и научная фантастика // Коммунист 1960. № 1. С. 73.

¹⁹ Там же. С. 71.

²⁰ Шерстобитов Е. Фантастике нужен земной опыт // Советский экран. 1967. № 8. С. 9.

²¹ РГАСПИ. Ф. 586. оп. 1. Д. 6. Л. 35–36.

вестными фантастическими кинолентами в 60-е гг. являлись «Аэлита» (1924 г.), «Комический рейс» (1936 г.), «Планета бурь» (1961 г.) и «Туманность Андромеды» (1967 г.). Однако можно отметить, что жанр кинофантастики в Советском Союзе не был развит, в отличие от США, где 50–60-е гг. являются временем расцвета данного жанра²². Режиссера С. Герасимов, в 1967 г. также говорил о неразвитости жанра: «Сегодня научно-фантастического фильма как явления искусства еще нет»²³.

Почему, не смотря на то, что власть и общество были заинтересованы в появлении кинофантастики, кинематограф существенно отставал от литературы? В то время, как в США рубеж 50–60-х гг. ознаменовался кардинальным прорывом в данном жанре, в первую очередь связным с «Космической одиссеей. 2001» С. Кубрика.

Так, например, А. и Б. Стругацкие на страницах «Советского экрана» называют три проблемы, не позволяющие создать киноленту в жанре фантастике высокого уровня. Это – отсутствие в советском кинематографе талантливого режиссера, сценариста и киноинженера, которые могли бы воплотить в жизнь все возможности фантастики и создать специфику фантастического на экране²⁴. С мнением автором можно согласиться: действительно, это была большая проблема, но её можно было решить.

Основной бедой советской кинофантастики можно считать череду провалов, которую она терпела. Начиная от «приключенческих» элементов в «Человеке-амфибии», которые привлекали зрителей, но отталкивали как критиков, так и чиновников. Через откровенно неудачную экранизацию главной фантастической книги 50–60-х гг. «Туманности Андромеды». До непонимания как советских руководителей, так и массового зрителя фильмов «Сталкер» и «Солярис». Правда, необходимо признать, что А. Тарковский снимал не фантастическое кино, а философские притчи. Таким образом, фантастическое кино было отнесено из разряда «серьезного» в разряд «детского», и в остальной период советской истории кинофантастика ограничивалась приключениями очередных отроков во вселенной.

---

²² Дашкова Т., Степанов Б. Фантастическое в фильмах Андрея Тарского Солярис и Сталкер // Фантастическое кино. Эпизод первый. М., 2006. С. 317.

²³ Герасимов С. Не найдено главного // Советский экран. 1967. № 8. С. 9.

²⁴ А. Стругацкий, Б. Стругацкий Почему нет кинофантастики // Советский экран 1967 № 3. С. 8.

К этому стоит добавить, что всплеск интереса к кинофантастике в 60-е гг., совпавший с эпохой «развернутого строительства коммунизма», в дальнейшем, с переходом к «развитому социализму» потерял свою идеологическую подпитку. Всё вместе это привело к ситуации, что рубеж 50–60-х гг. можно назвать началом «золотого века» советской литературной фантастики, и «сумерками» кинофантастики, которая, к сожалению, не смогла достичь уровня ни литературного жанра, ни уровня зарубежных коллег. Людям уже не нужно было «светлое будущее», им необходимо было спокойное настоящее. Таким образом, с завершением эксперимента по построению коммунизма и для советской кинофантастики наступает период «застоя».